

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОТДЕЛЕНИЕ ЛИТЕРАТУРЫ И ЯЗЫКА
СОВЕТСКИЙ КОМИТЕТ ТЮРКОЛОГОВ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

TURCOLOGICA

1986

*К восьмидесятилетию
академика
А. Н. КОНОНОВА*

ЛЕНИНГРАД
ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
1986

ОСМАНСКИЕ ХРОНИКИ XV—XVII ВВ. О СОЗДАНИИ ВОЙСК «ЯЯ ВЕ МЮСЕЛЛЕМ»

Известно, что перемены в социально-политической и экономической жизни общества неизбежно влекут за собой изменения в сфере военной организации. По этой причине исследование эволюции военных институтов Османского государства представляет интерес не только для военной истории, но и для более точного определения этапов социально-экономического развития государства Османидов.

Источники донесли до нас весьма скудные сведения о том, что представляли собой корпуса (тайфе) пехотинцев (яя, пияде) и всадников (мюселлем, мюселлим) вплоть до второй половины XV в. Этим во многом объясняется тот факт, что в справочных пособиях и общих работах по османской истории «яя ве мюселлем» трактуются (на основе данных османских документов второй половины XV—XVI вв.) как вспомогательные войска, использовавшиеся в обозной службе, для транспортировки пушек, ремонта дорог и мостов и т. п. Как вспомогательные рассматривает эти категории османского войска и Д. Калди-Надь, делая, правда, оговорку, что таковыми они стали лишь во второй половине XV в.¹

Что же представляли собой «яя ве мюселлем» и какова была их роль в османской армии до завоевания Константинополя (1453 г.), когда турецкое оружие одерживало одну победу за другой?

Как явствует из средневековых османских хроник, тайфе яя было создано при султানে Орхане еще до захвата турками византийской Никеи (Изник), т. е. до 1331 г. Запись в новое войско осуществлялась кадием Биледжика Чандарлу Караджа Халилом из податного населения (реяа) Османского бейлика. Поскольку записанные в тайфе яя становились служилыми людьми, или «людьми повелителя» (хюнкар'ун хаслары), то, как пишут хронисты, многие даже пытались дать взятку кадию, умоляя записать их в тайфе яя. Как служилые люди, пехотинцы-яя стали носить белые колпаки (берки);² впоследствии белые колпаки стали носить султанские янычары, которые, так же как и яя, были служилыми людьми. Другие категории османского войска и прежде всего самая многочисленная — азебы продолжали носить берки красного цвета, поскольку являлись ополчением, пабираемым

лишь во время войны среди реайи. Белый колпак, таким образом, был символом, свидетельствующим о принадлежности его владельца к служилым людям. «И приказал им носить белые шапки, и чтобы никто другой не смел их носить на голове, кроме дворян, как это и существует по сей день», — писал о создании войска *jenikichaje*³ Константин из Островицы.⁴ Здесь необходимо отметить, что обычай носить белые колпаки в Анатолии был впервые введен не султаном Орханом, а около 1260 г. Мехмедом ал-Уджи, основателем первого тюркского бейлика (с центром в г. Денизли), независимого от сельджуко-монгольских властей.⁵ Можно ли говорить в таком случае о существовании определенной традиции, приведшей к созданию в Османском бейлике таифе яя? Видимо, да, поскольку ранние османские хроники не только сообщают о том, что это войско было создано по совету кадия Чандарлу Караджа Халила и одного из родственников шейха Эдебалы, но и дают основание полагать, что простой люд (реайя) не воспринял это как нечто совершенно новое. В пользу этого предположения говорит, на наш взгляд, и то, что прибывшие к кадию уже после окончания набора в таифе яя просили записать их в качестве запасных (ямаков). «Пусть один год они отправляются в поход, а на следующий год мы пойдем», — говорили опоздавшие кадию.⁶

Пехотинцы-яя, численность которых первоначально была определена в тысячу человек, продолжая обрабатывать землю, освобождались от уплаты всех налогов (как «свободные люди»⁷), а во время военных походов получали плату: 1 акче в день. Во главе тысячи стоял яя-бей, во главе сотни — мюселлем.⁸ Ямаки, вероятно, обрабатывали землю ушедшего на войну. На следующий год вернувшийся из похода менялся ролями со своим ямаком.⁹

Численность таифе яя быстро росла, а дисциплина и боевые качества были низки. Это побудило султана Мурада I (1360—1389) создать таифе ени чери (корпус янычар).¹⁰ Что касается пехотинцев-яя, то им просто перестали платить жалованье, но они по-прежнему участвовали в военных походах, а в мирное время обрабатывали землю и были освобождены от уплаты налогов.¹¹

Поскольку до 60-х годов XIV в. в Османском государстве система тимарного землевладения еще не вполне сложилась,¹² то тимариоты (сипахи), т. е. тяжелооруженная кавалерия, не могли играть главной роли в османской армии. Ограниченной была и роль янычар. Численность их была невелика (например, в битве на Косовом поле 15 июня 1389 г. участвовало 2 тысячи янычар), а по своим боевым качествам они еще ничем не отличались от других категорий османского войска.¹³ Янычары стали представлять внушительную силу лишь при султানে Мураде II (1421—1451).^{*} Что касается азебов, то это было обычное опол-

* Например, в 1422 г. 500 янычар султана Мурада II наголову разгромили пятитысячный отряд всадников и азебов претендента на султанский престол Мустафы.¹⁴

чение, причем по численности сравнимое с таифе яя. Например, в походе против Узун Хасана (1473 г.) кроме других сил приняли участие 30 тысяч азебов (20 тысяч анатолийских и 10 тысяч румелийских) и 20 тысяч энюк яя.¹⁵ Трудно, таким образом, выделить основную категорию войска, игравшую главную роль в успехах османского оружия. Ясно одно, что примерно до середины XV в. нет оснований считать таифе яя вспомогательным войском.

Что касается таифе всадников (мюселлем), то мы не встретим упоминания о нем в османских хрониках XV в., повествующих о событиях предшествующего столетия. Лишь Идрис Бидлиси (первая половина XVI в.), а вслед за ним (уже в XVII в.) Хюсейн пишут о том, что султаном Орханом было создано также таифе сювари. Всадникам (сювари) выделялись определенные земли, они были освобождены от налогов и были обязаны «копюно и оружно» отправляться в военные походы. Таифе сювари, так же как и таифе яя, разбивалось на десятки, сотни и тысячи. Тысячник имел знамя (санджак) и значок (алем).¹⁶ Правда, авторы второй половины XVI в. (Саадеддин и Али), использовавшие в своих сочинениях хроника Идриса Бидлиси, называют это таифе не сювари, а мюселлем, причем Али добавляет, что численность этого войска также первоначально была определена в тысячу человек.¹⁷

Однако, если мы вернемся к хроникам XV в., то в этих текстах впервые термин мюселлем встречается при описании событий, связанных с борьбой Дюзме Мустафы (претендента на престол) и султана Мурада II в 1421—1422 гг. В 1421 г. измирский бей Джунейд, ставший великим везиром Мустафы, провел реорганизацию румелийского войска, а именно «румелийских яя сделал мюселлемами».¹⁸ Пять пехотинцев-яя сводились в особые единицы (оджаки). Из членов оджака лишь один (эшкинджи) должен был отправляться в поход, причем остающиеся (ямаки) выплачивали ему по 50 акче каждый (эта плата именовалась харчлык). Хронисты подчеркивают, что этот обычай, который сохранялся и в конце XV в.,* был введен при Дюзме Мустафе,²⁰ а анонимный автор конца XV в. прямо пишет, что «нынешние мюселлемы появились в те времена».²¹ Об этом говорится и в «Законе относительно мюселлемов и пияде Гелиболу» 924/1518 г. В пятой статье закона сказано: «Не может быть различия между чифтликами яя и мюселлемов. Нынешние мюселлемы изначально были пияде, но уже давно все со своими чифтликами стали мюселлемами. И еще древний закон: чифтлики тех пияде, которые не только годны нести службу, но и в состоянии иметь лошадь и конскую сбрую, становятся мюселлемскими».²²

Хюсейн, дополняя этих авторов, говорит, что сила претен-

* Ямаки выплачивали эшкинджи харчлык ежегодно вплоть до начала правления султана Баязида II (1481—1512) независимо от того, был ли в этом году военный поход, или нет. Указом нового султана эта выплата должна была производиться лишь в те годы, когда объявляли о начале военного похода.¹⁹

дента после этих мероприятий значительно возросла, а новое войско получило название Кызылджа мюселлим.²³

Эта реформа обнаруживает сходство с реформами Карла Великого, стремившегося «приспособить старое военное устройство к изменившемуся экономическому положению военнообязанных».²⁴

В дальнейшем развитие военного института мюселлимов шло по двум направлениям. В первом случае, при Мехмеде II (1451—1481), к оджаку мюселлимов приписывалось определенное число хозяйств реайи (до 15 хане). Приписанные к оджаку реайаты были обязаны выплачивать эшкинджи харчлык (40—50 акче). Кроме права получать харчлык с приписанных райатов и ямаков эшкинджи имел право получать с ямаков, работающих на землях оджака (эти земли не должны были превышать 1 чифта, т. е. 5,6—14,1 га, — *К. Ж.*), десятую часть урожая (ушр) и ряд других выплат.²⁵

Во втором случае, который получил распространение в XVI в., увеличивалось число членов оджака, которое к середине столетия достигло 30 человек — 25 ямаков и 5 эшкинджи, — причем эти пятеро отправлялись в поход поочередно.²⁶

Институт яя также эволюционировал в этом направлении: если в XV в. в оджак, владеющий чифтом земли, входили 6—7 человек,²⁷ то к середине XVI в. оджаки яя по численности сравнивались с оджаками мюселлимов.²⁸

В конце XVI столетия таифе анатолийских яя и мюселлимов были упразднены, чифтлики яя и мюселлимов были переданы тимаршотам, а они сами были записаны как реайа (т. е. были низведены до своего изначального статуса).²⁹ Судьба румелийских юрюков (так в XV—XVI вв. назывались яя в Румелии) и мюселлимов (среди которых, по сообщению Айни Али, писавшего в 1606 г., было, в частности, 300 оджаков Кызылджа Мюселлим)³⁰ была иной. Претерпев некоторые изменения и получив в 1102/1691 г. наименование Эвлад-и Фатихан (потомки завоевателей), таифе юрюков просуществовало до XIX в.³¹

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Káldy-Nagy Gy.* The Conscription of Müsellem and Yaya Corps in 1540. — In: *Hungaro-Turcica. Studies in Honours of Julius Németh.* Budapest, 1976, p. 275; idem, *The First Centuries of the Ottoman Military Organization.* — *Acta Orient. Hung.*, XXXI (1977), p. 162, 171.

² *Aşıkpaşazade. Tevârih-i Al-i Osman.* — Istanbul, 1332, s. 39—40; *Kitâb-ı Cihan-Nümâ: Neşri Tarihi, yayımlayanlar F. R. Unat ve M. A. Köymen,* с. 1—2. Ankara, 1949—1957, s. 152—156.

³ В рецензии (BSOAS, v. XL (1977), p. 155—160) на издание чешского текста (с параллельным английским переводом) записок Константина (*Konstantin Mihailović Memoirs of a Janissary/Trans. by B. Stolz. Hist. com. and notes by S. Soucek. Ann Arbor, 1975*), а также на немецкий перевод записок (*Memorien eines Janitscharen oder Türkische Chronik / Eingeleitet und übersetzt von R. Lachmann. Kommentiert von Cl.-P. Naase, R. Lachman, G. Prinz. Graz, 1975*), сделанный с издания Я. Лося польского текста (*Pamiętniki*

Janczara czyli Kronika Turecka Konstantego z Ostrowicy napisana między R. 1496 A. 1501. / wydał Jan Łos. Krakow, 1912). В. Менаж (V. L. Ménage) принимает конъектуру К.-П. Хаазе (Anm. 71), по мнению которого jenikichaje — это энок яя (щенки яя), название, укоренившееся в народе за пехотинцами-яя. Историко появления этой клички приводит Ашык-пашазаде (Aşıkpaşazade, s. 40). В этом случае следует сделать вывод, что Константин не только не понимал смысла названия этого войска — он полагал, что это были ени кахья (кахья — второе лицо в крепости после коменданта — диздара) —, но и сделал ошибку, указывая его неверную численность в последние десятилетия XV в., а именно 2 тысячи (Pamiętniki Janczara, s. 30). На самом деле их было в десять раз больше (Ibn Kemal. Tevârih-i Al-i Osman. VII Defter. Tenkidli transkripsiyon. Hazırlayan Ş. Turan. Ankara, 1957, s. 339).

⁴ Pamiętniki Janczara, s. 29—30.

⁵ Turan O. Selçuklular zamanında Türkiye (1071—1318). Istanbul, 1971, s. 514.

⁶ Kitâb-ı Cihan-Nümâ, s. 154—156.

⁷ Konstantin Mihailovič. Memoirs of a Janissary, p. 34.

⁸ Sa'deddin. Mehmed Ibn Hasan Noca. Tac üt-Tevârih, с. 1. Istanbul, 1279, s. 40; Хюсейн. Беда'и ул-Века'и (Удивительные события) / Изд. А. С. Тверитинова и Ю. А. Петросян. М., 1961, ч. 1, л. 44 б.

⁹ Kitâb-ı Cihan-Nümâ, s. 154—156; Barkan O. L. XV ve XVI-ıncı asırlarda Osmanlı İmparatorluğunda Zirâi Ekonominin Hukukî ve Malî Esasları, с. 1. Kanunlar. Istanbul, 1945, s. 241—242.

¹⁰ См.: Петросян И. Е. К истории создания янычарского корпуса. — Тюркологический сборник. 1978, М., 1984, с. 191—200.

¹¹ Хюсейн, л. 44 б.

¹² Werner E. Die Geburt einer Grossmacht — die Osmanen (1300—1481). 3. Aufl. Berlin, 1978, S. 114—115.

¹³ Káldy-Nagy Gy. The First Centuries of the Ottoman Military Organization, p. 165.

¹⁴ Sa'deddin, s. 311—312;

¹⁵ Ibn Kemal, s. 339.

¹⁶ Идрис ал-Бидлиси. Хашт Бишти. Рукопись из коллекции ИВАН СССР, шифр С 1046, л. 134 а; Хюсейн, л. 45 а.

¹⁷ Sa'deddin, s. 41; Ali. Kunh al-ahbar, с. V. — Istanbul, 1277, s. 43.

¹⁸ Kitâb-ı Cihan-Nümâ, s. 556—558; Die altosmanischen anonymen Chroniken in Text und Übersetzung herausgegeben von Dr. Fr. Giese. Teil 1. Text und Variantenverzeichnis. Breslau, 1922, S. 56.

¹⁹ Barkan O. L. XV ve XVI-ıncı asırlarda Osmanlı. . . , s. 259.

²⁰ Kitâb-ı Cihan-Nüma, s. 556—558.

²¹ Die altosmanischen anonymen Chroniken, S. 56.

²² Barkan O. L. XV ve XVI-ıncı asırlarda Osmanlı. . . , s. 241.

²³ Хюсейн, л. 159 а.

²⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 19, с. 516.

Карл Великий был вынужден настолько ограничить воинскую повинность, чтобы оставалась возможность вооружить и содержать война. Это было введено Ахенским картулярием 807 г. (там же, с. 515).

²⁵ Röhrborn K. Untersuchungen zur osmanischen Verwaltungsgeschichte. Berlin; New York, 1973, S. 98—98; Beldiceanu-Steinherr I. Fiscalité et Formes de Possession de la Terre Arable dans L'Anatolie Préottomane. — JESHO, v. XIX, 1976, p. 250—251, n. 74.

²⁶ Káldy-Nagy Gy. The Conscription of Müsellem. . . , p. 276.

²⁷ Röhrborn K. Untersuchungen. . . , S. 99; Beldiceanu-Steinherr I. Fiscalité et Formes. . . , p. 251, n. 75.

²⁸ Káldy-Nagy Gy. The First Centuries of the Ottoman Military. . . , p. 172.

²⁹ Káldy-Nagy Gy. The Conscription of Müsellem. . . , p. 280—281.

³⁰ Tucser H. (Kanunname-i Al-i Osman) Osmanlı Devleti arazi kanunları. Ankara, 1962, s. 191, 232.

³¹ Gökbilgin M. T. Rumîlî'de Yürükler, Tatarlar ve Evlâd-i Fatihân. Istanbul, 1957, s. 255—256.